

5. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.
6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Вестник МГУ. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3-9.
7. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом. – 1997. – № 1–2. – С. 44-53.
8. Слухай Н.В. Сучасні лінгвістичні теорії концепту як мовно-культурного феномену // Мовні і концептуальні картини світу: Збірник наукових праць. – № 7. – К.: Київський національний університет ім. Тараса Шевченка, 2002. – С. 462-470.

Поступила в редакцию 19.07.2005 г.

УДК 811.161.1'373.49

Халина Н.В.

ОТ ПЛАНА ВООБРАЖЕНИЯ К ЭМПИРИЧЕСКОМУ ПЛАНУ ЧЕРЕЗ ГАЛАКТИКУ ВООБРАЖАЕМЫХ ТОЧЕК СЛАВЯНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ

В статье обращается внимание на актуальное в типичной ситуации современности понятие телеологической детерминации – типа детерминации, предполагающего рассмотрение пространственного положения объектов, в том числе и языковых единиц, как поля перемещений этих объектов друг относительно друга. Предполагается определить славянскую художественную культуру как детерминационную интеллектуальную среду, в которой в ходе процесса формовозобновления осуществляется трансформация естественности (природно-животного начала человека) в неестественность – вербально-геометрическое изображение Логоса.

Ключевые слова: славянская художественная культура, детерминация, эмпирический план, модальная интерпретация

У статті звертається увага на актуальне в типовій ситуації сучасності поняття телеологічної детермінації – типу детермінації, що припускає розгляд просторового положення об'єктів, зокрема, і мовних одиниць, як поля переміщень цих об'єктів один щодо одного. Передбачається визначити слов'янську художню культуру як інтелектуальне середовище детермінації, в якому в ході процесу формовозобновлення здійснюється трансформація природності (природно-тваринного початку людини) в неприродність – вербально-геометричне зображення Логосу.

Ключові слова: слов'янська художня культура, детермінація, емпіричний план, модальна інтерпретація

The article is devoted to the Slavonic Art Culture in the context of new cause determination of entropic process – teleological determination. The Slavonic mental culture gives rise to logical modification of visible presentation of semantic category “Logos”. This modification gives the geometrical completeness to meaning’s search, determined by semantic tension of unnature.

Key words: slavonic artistic culture, determination, empiric plan, modal interpretation

«И дом день ото дня разрушался. Дом действительно рушился, ибо он гораздо больше, чем в выточенных столбцах к лестничным перилам, нуждался в каждодневном уходе и ремонте. Сад зарос сорняками. Калитку, забор и оконные рамы давно надо было покрасить. От кухонного окна, которое Пацо разбил кожаным лассо, несло холодом. Комнатные цветы, до которых мать не могла дотянуться, увяли, а в миксере, который она не смогла развинтить, уже несколько месяцев гнили остатки молочного коктейля. Входная дверь с обеих сторон была ободрана собакой, о которой отец стал забывать. Из кранов капало, а лед в холодильнике достиг такой толщины, что не закрывалась дверца. Зеркало в ванной было забрызгано зубной пастой настолько, что в нем ничего не было видно...» [3]. Данный фрагмент романа «Лучшие годы – псу под хвост» является, как, впрочем, и весь роман, своеобразной модальной интерпретацией энтропийных процессов, охвативших славянское коммуникативное сообщество в 70-80-е годы прошлого столетия, с одной стороны, с другой стороны, обнаруживает трансформацию европейской художественной культуры из плана воображаемого в план эмпирический. Энтропийным процессам, свидетельствующим о неупорядоченности системы, в оппозицию ставятся процессы антиэнтропийные, обусловленные негэнтропией. В основе негэнтропийного процесса, утверждают В.И. Корогодина и В.Л. Корогодина, лежит внешнее сходство формулы К. Шеннона, обобщенной для любого единичного события, и формулы М. Планка для физической энтропии [8]. Если формула Шеннона устанавливает отношение между информацией и вероятностью события, то формула Планка соотносит энтропию и состояния системы, а именно ориентируется на число микросостояний системы, соответствующее данному ее макросостоянию.

В произведениях славянских авторов обнаруживают себя два типа макросостояний языковой системы, рассматриваемой в качестве воспроизведения естественной коммуникации в человеческом социуме: квантовое и динамическое. «Мы должны быть осторожными и различать два состояния, – замечает ван Фраассен, – динамическое состояние, полностью определенное тем, какие наблюдаемые

объекты имеют значения и каковы эти значения, и квантовое состояние, полностью определенное тем, как система будет эволюционировать, если она изолирована и если она заданным образом взаимодействует с другими системами» [17, с.186]. В новелле для компьютера и плотничьего циркуля сербского писателя Милорада Павича «Дамаскин» [14] представлена модальная интерпретация квантового состояния естественного интеллекта. Автор в качестве основного отличительного признака подобного состояния определяет самопроизвольно возникающие различия, фиксируемые согласно числовому принципу. Семантический континуум новеллы упорядочивается в соответствии с принципами перекрестков и «храмов», что позволяет читателю так же, как и создателю текста, существовать в исчислении модальной интерпретации, т.е. ощущать себя составляющей двух процессов: 1) каузального процесса взаимодействия физической системы – литературного пространства, конструируемого сюжетом, – и измерительного прибора – произведения М. Павича; 2) стохастического процесса изменения динамического состояния прибора – текста М. Павича, приводящего к тому состоянию, которое наблюдается. Модальная интерпретация, полагает А.А. Печенкин [17], подчеркивает, что квантовые состояния определяют только вероятностные диспозиции значений динамических переменных. В новелле Павича выделяются парадигматические и синтагматические самопроизвольно возникающие различия. К первым следует причислить номинации третий храм, дворец, столовая, спальня; ко вторым – праздник святого Андрея Первозванного – день Андрея Первозванного; архитектор Йован – зодчий Йован; по прозвищу Лествичник – прозванный Дамаскин; чертежи нового храма Введения – чертежи дворца; подходящее место, где дует только один ветер – на благоприятном месте, где дует только один ветер; он будет воздвигнут в поместье над Тисой – он собирался строить в его поместье над Тисой. Текстовые самопроизвольно возникающие различия маркируют сотрясаемую и колеблемую материю, при этом в задачи автора как демиурга-жреца входит упорядочение хаотического движения отдельных элементов, как утверждает М. Евзлин, работа с хаосом, устранение энтропии и установление порядка [7]. Различия должны быть зафиксированы в различных и устойчивых формах бытия, в качестве одной из которых М. Павич предлагает гипертекст. Однако поскольку основа неустойчива, то и форма постоянно требует постоянного возобновления-укрепления.

Поиски возможности укрепления и направления, в котором его следует предпринимать, определяются динамическим состоянием естественного интеллекта. Динамическое состояние детерминировано созерцанием Логоса, что возможно с опорой на когерентную логику, используемую польским писателем Анджеем Стасюком в рассказе «Зима» [19] и концентрированно представленную во фрагменте: «Зима – это коварство идеи, которая прикидывается материей, чтобы ввести нас в искушение при помощи обтекаемых форм, круговых траекторий и гармоничных фигур, предвещающих идеальную реальность капли логоса, разведенной в стакане с космосом». Когерентные логики, считает И.А. Акчурин, обеспечивают реальные механизмы функционирования в живом формообразующих процессов [1]. Это пространственно трактуемые интуитивистские логики, осуществляющие семантическое толкование объектов, способных претерпевать определенное «онтологическое развитие». Особенностью подобных логик является также то, что обобщенно-логические конструкции имеют строго определенные обобщенно-геометрические корреляты, так называемые «конструктивные части» объектов, которые в простейшем случае представляют собой конечные объединения локально замкнутых «частей» объектов. Конструктивные части А. Стасюка: *ком* (сфера), *волна* или *серп*; *спираль*, *архаичная форма*, *эмбрион*, *замкнутый круг*, *вираж* – представляют собой результат моделирования естественных явлений. Подобный процесс, полагает М. Евзлин, влечет за собой начало существования человека в историческом «инобытии» и утрату статуса «естественного существа» [7]. Кроме того, обнаруживает себя неестественность, или, по М. Евзлину, правильность геометрической фигуры, имевшая место еще в египетских изображениях. Неестественность создает семантическое напряжение, которое заставляет искать значение. Осуществление поиска значения возможно только в соответствующей ситуации – ситуации типической, которая К. Юнгом связывается с процессом запечатления в психической конституции постоянно повторяющегося опыта в виде форм без содержания, представляющих собой только возможность того или иного типа восприятия и действия [7]. Формы без содержания в «Энциклопедии ничтожного» хорватского писателя Станко Андрича [2] порождают специфический язык, благодаря которому возможно собирание в нечто целое разрозненных семантических сегментов, а также интерпретация информации как процесса становления структуры в открытой неравновесной системе. Подобный процесс, считает И.В. Мелик-Гайказян, начинается со случайного выбора, который система делает, переходя от хаоса к порядку [12]. Система Андрича останавливает свое продвижение к определенности – от хаоса к порядку – через набор форм без содержания: поражает тот факт, дело не только в том, ощущение того, и в самом деле, в частности, мир один. Формы без содержания являются формами, позволяющими возвратиться в хаотическое (бесформенное) бытие для возобновления мировой формы-структуры, «перезарядки» бытия. Таким образом, обеспечивается выход в дальнейшее формовозобновляющее и формообразующее движение. Возобновление семантического цикла маркируется в тексте Андрича следующими образованиями: Между тем носители как малых, так и

больших языков; С помощью этой истории; Могу себе представить довавилонскую лингвистику, в которой, например, не могло возникнуть идеи арбитранности языкового знака; Из любой точки можно воздвигнуть вертикаль времени; Деятельность филологов: создание четырехмерной карты. Многостадийный процесс становления структуры в открытой неравновесной системе завершается целенаправленным действием, согласно алгоритму или программе, отвечающим семантике выбора: «Реконструкция довавилонской лингвистики показала бы, что языковые знаки первоначально были не арбитранными и условными, а именно октроированными и единственно возможными. И вся наука занималась связями, тонкими, запутанными, но полностью детерминированными, между вещами и означающими их словами». Целенаправленное действие является свидетельством деятельности моделирующего реальность сознания, продуцирующего идею порядка. Субъект вносит знак в неозначенное пространство, явление знака, здесь представляет своего рода «волевой акт» [7] по возобновлению распадающейся в силу энтропийного процесса формы реальности. Внесение в систему нового знака предполагает ее перестройку, изменение динамических уравнений движения от формы к информации, толкуемой в соответствии с концепцией Э. Янча как инструкция к самоорганизации в живых системах [12]. Встает вопрос, касающийся того, что собой представляют форма и процессы формообразования и формовоспроизводства, если форма коррелирует с информацией, маркируя динамику системы и увеличение системой своего уровня сложности. Успешная эволюция, считает М. Конрад [21], зависит и от того, как пространство последовательностей отображается на функциональном пространстве посредством управления конструированием. Успешное же эволюционирование человеческой естественности зависит от того, как отображается творение новых содержаний на частные сферы бытия посредством управления процессом означивания, т.е. работы с «хаосом» и моделирующим сознанием. Конструирование открывает план души, переживающей космические грани через трансцендентальное понятие, в котором происходит пространственно-временное установление сознания, т.е. осознание-переживание личностью космического хаоса и прорыв сознания сквозь пространственно-временные установления. Трансцендентальное понятие выявляет структурные связи в душевной жизни. Проникновение в возникновение душевной связи, в ее формы и ее действия, считает В. Дильтей [6], можно наблюдать лишь через собирание и созерцание всякой уловимой части исторических процессов, в которых образуется такого рода связь. Для конца XX – начала XXI в.в. таким историческим процессом стала информация, управляющая и структурами душевной связи, а также осуществляющая семиотический контроль за этими структурами. В книге хорватского писателя Слободана Шнайдера «Феноменология мелкого. Введение в реальную зоологию» [20] реальная действительность каталогизируется в семиотическом зоологическом коде, который выступает в качестве своеобразного доказательства когерентности системы переживания видимого мира. План мировой действительности с точки зрения феноменологической предстает как совокупность словарных статей, с точки зрения онтологической – как непрерывный поток бытия с его чистой качеством и допредметностью, что с точки зрения пространственно-временной представляет, как считает А.Ф. Лосев, величайший хаос [10]. С точки зрения религиозной план мировой действительности встречи тысячелетий являет собой преобразующееся бытие, которое для воспроизведения и развития использует, подобно живым организмам, описательно-конструктивную стратегию, или генетическое описание. «Построение детальной картины отображения генетического описания на физическую скоростную динамику является сложной эмпирической проблемой, но фундаментальным требованием для открытой способности к эволюции является взаимозависимость семантического домена наследуемой генетической памяти и динамического домена конструкций и функций», – утверждает профессор Отделения системных наук и промышленной инженерии Школы Томаса Дж. Ватсона инженерии и прикладных наук Г. Патти [15, с.147]. Семиотический домен генетической памяти человечества Слободан Шнайдер связывает с функцией интеллектуальности внутреннего восприятия (первой способностью постижения внутренних состояний), маркируемой в тексте именами выдающихся представителей человечества, усложнивших и модифицировавших первично ощущаемое ими бытие, сгустивших его, «желая его оформить и преобразовать» [10, с.301]. Некоторые фамилии из этого списка: Равель, Альфред Брем, Гегель, Иоганн Вольфганг Гете, Гоголь, Уильям Шекспир, Иммануил Кант, Аристотель, Платон, Роберт Шуман. Образцом динамического домена может служить следующий вариант синтаксического описания: «Моль, как действительно подмечено, представляет собой своеобразного антагониста шелкопряда. По сути она бабочка, и это лишний раз доказывает, что природа часто награждает высшими признаками более низшие существа. Так, бабочка, сама нежность, сама мимолетная красота, в обличии моли прогрызает дыры в нашей одежде. Особой привередливостью не отличается, но больше всего любит шерсть. Может питаться и всяким тряпьем, единственное, с чем у нее будут проблемы, так это с новым платьем короля: и в такой ситуации гораздо лучше смогла бы сориентироваться блоха». Шнайдер создает семиотическую модель управления мышлением, понимаемым как движение строк символов, регулируемых законами физики. Следовательно, мышление представляет собой процесс, симметричный процессам, происходящим в физическом мире. Уместнее в данном случае, видимо, говорить о геометрической симметрии,

выражающей свойства пространства и времени и обнаруживающей себя в однородности пространства и времени, изотропности пространства, пространственной четности, эквивалентности инерциальных систем отсчета [5].

Семиотические конструкции описания, открывающие процессуальную аналогичность мышления и мировой действительности в ее физической ипостаси, объясняют особенности наследуемого механизма для включения динамических законов и параметры эффективной открытой эволюции [15]. О последних возможно создать некоторое представление, обратившись к роману «Атлас, составленный небом» сербского писателя Горана Петровича. Критик Ясмينا Михайлович, цитируемая Милородом Павичем в его презентации романа, замечает: «Дом – главный герой романа «Атлас, составленный небом» – это, как сказал бы Башлар, волшебное пространство застывшего детства. Оно застыло так же, как застыла праистория. Дом населяют заговорщики духа, защищающие свое время, вечные юноши, доблестно сражающиеся за свою территорию – страну грез и мечты. Снаружи, за пределами дома, зияет бесплодная, всепоглощающая пустота. Книга борется с этим чудовищем пустоты. Кроме того, это каталог фольклорных мотивов сербского и других славянских народов, это миниатюрная антропологическая энциклопедия и справочник существующих и вымышленных растений, минералов, животных, предметов. И, наконец, «Атлас, составленный небом» – это своеобразного рода манифест постмодернистского восприятия мира, человека, уставшего от обыденности и, следовательно, от политики» [3, с.21].

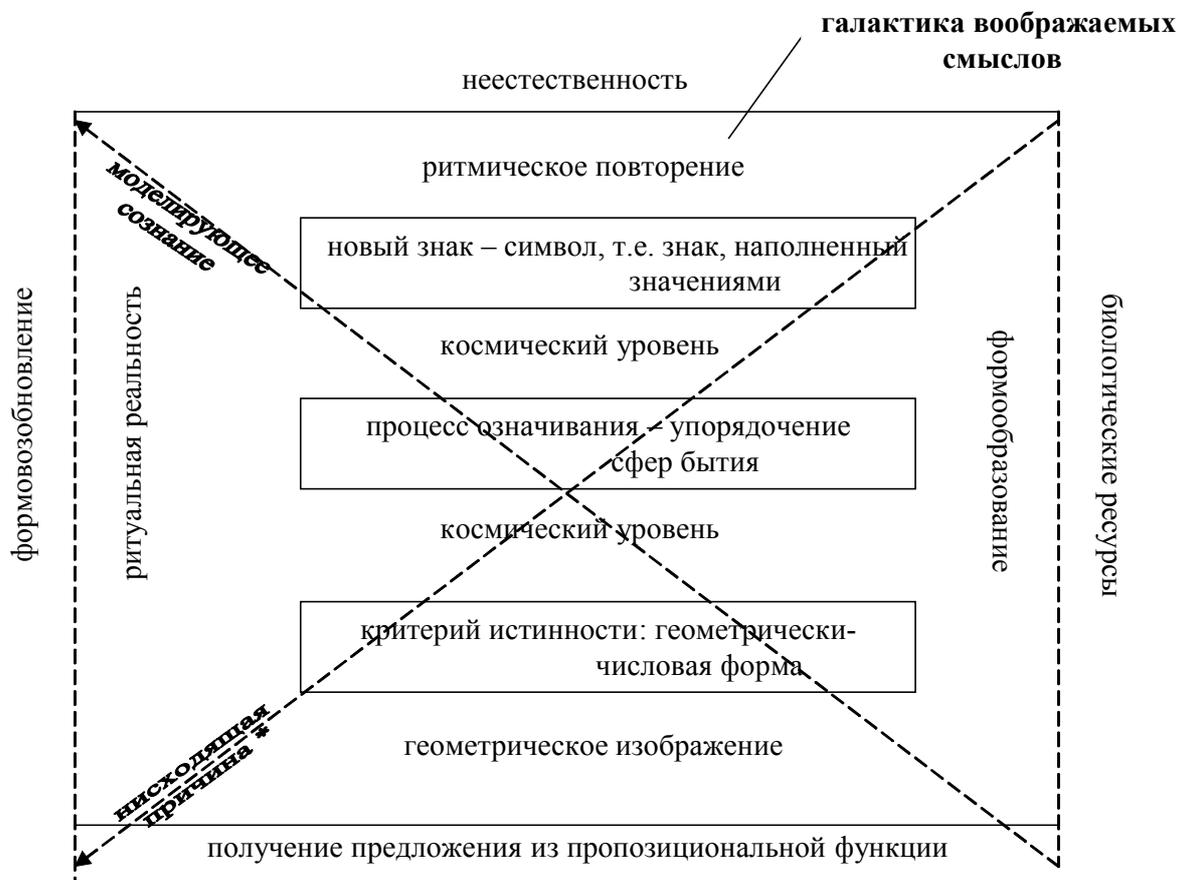
Роман Петровича представляет собой ритуальный текст, накладываемый на ритуальную схему, которая, как считает М. Евзлин, «отвечает» за преобразование Хаоса в Космос, активизируется в связи с необходимостью периодического возобновления мирового цикла, обусловленной истощением биологических ресурсов на всех космических уровнях. Ритуальная схема Петровича трехчастна, в нее входит одномерная строка символов (номинация сегмента смысла, подвергающегося преобразованию), сноски (указание направления модификации когерентной логики), конструктивные части структуры душевной связи (линейная развертка обобщенно-геометрических конструкций, символически фиксирующих функции состояний интеллектуальной системы).

Сосредотачивая внимание на негэнтропийном процессе, Петрович исследует микросостояния мировой действительности, методом постижения и управления которой является онтологическая категория «логос». Фазовым пространством мировой действительности признается человеческий интеллект, который имеет определенные топологические инварианты глобальных траекторий составляющих ее элементов – материальных точек, напряженностей полей, квантовых состояний и т.п. [1]. Основной составляющей мировой действительности для Петровича является «Галактика воображаемых точек»: «Воображаемая точка – это крохотная исходная точка всех отсутствующих взглядов, исходная точка, от которой начинаются бескрайние фантастические просторы. Она есть у каждого человека, но многие не в состоянии ее увидеть. Поэтому для них эти широкие просторы остаются навсегда недоступными. Для первых же, однако, пространства следуют одно за другим. По ним блуждают, исследуют их или просто пользуются ими для прогулки. Группы воображаемых точек составляют одноименную галактику, которая своими размерами превышает любую из известных до настоящего времени звездных систем. (По данным Энциклопедии Serpentiana глава «Человек вне тела.»)» В языковых образованиях автор конструирует, точнее, реконструирует физическую основу обобщенной когерентной согласованности – топологический аналог спонтанного нарушения алгебраических симметрий движения: группы воображаемых точек превышают звездные системы; отсутствующий взгляд есть взгляд, не ничего не выражающий, а взгляд, не присутствующий в данное время в данном месте; в пространстве возможно не существовать, его возможно использовать, например, для прогулок. Формируемый топологический механизм передачи воздействий из будущего в прошлое предполагает изменение в настоящем топологических инвариантов «внешнего» пространства динамических систем, в частности, мировой действительности, с последующей модификацией теперешнего видимого «поведения», динамики [1]. Схема подобной модификации, или генерирования организованного бытия, включает, в соответствии с концепцией Г. Петровича, следующие позиции: 1) определение точек, генерирующих организованное бытие; 2) расчет глобальных траекторий точек (*десять миллионов широких путей надежды; украшение пространства; творческое удовлетворение; тропа, которая соединяет землю и небо; уничтожение пустоты; коллективная фантазия; каталогизация небесными чернилами*); 3) выявление динамических переменных, характерных для данной ситуации («хаос-космос-хаос» (*счастливая; тщательно причесанные строчки; перевернутая карта; маленькая, но тем не менее большая полоса белого*)); 4) определение физических величин, характеризующих систему (*водяная мельница существования; чур-чур; золотая жила, которая в данном случае является свинцовой; перекрещивание пространства*). По этой схеме возможно восстановить «тени» будущих состояний системы – мировой действительности, которые являются локальными топологическими условиями-требованиями, «которые должны всегда выполняться в бесконечно малых окрестностях любых реальных физических движений» [1, с.43]. Основной формой слова, необходимой для движений подобной схемы в коммуникационном процессе истории, является форма, содержащая неопределенную переменную, «или

пропозициональная функция» [18]. Форма слова становится высказыванием, когда переменной приписывается значение, т.е. одномерной строке символов приводится в соответствие указание направления модификации когерентной логики, отвечающей также и за формирование всякого устойчивого изображения.

Изображение Логоса, придание ему «видимости» и возможности созерцания в славянской художественной культуре предстает как теологический процесс, толкуемый, вслед за Э. Майром, как процесс, в котором конечное состояние является действующей причиной [11]. Телеологическая детерминация обуславливает особенности построения художественного текста в славянской культуре и предполагает рассмотрение механических, пространственных положений тел (объектов) как особого континуального поля – конфигурационного поля [1] – поля непрерывных механических перемещений (смещений, «шевелений») тел друг относительно друга. Особую значимость обретает славянский этический код, особая семиотическая стратегия, по сути аналогичная комплементарному подходу к исследованию эволюции искусственных систем [15], соединяющая динамики искусственных сетей с функциональными динамиками сенсоров и активаторов в контакте с реальным физическим миром.

Славянская мыслительная культура создает модификацию семиотического квадрата Греймаса-Курте, под которым понимается зрительное представление логической организации той или иной семантической категории [4]. Направление модификации обусловлено необходимостью изображения «работы» семантической категории в ситуации «хаос-порядок-хаос» и целью обеспечения выхода интеллектуальной системы в дальнейшее формовозобновляющее и формообразующее движение. «Славянский» семиотический квадрат, своеобразный «волновой пакет», имеет следующий вид:

Модифицированный семиотический квадрат придает геометрическую законченность поиску значения, детерминированному семантическим напряжением, которое создано неестественностью. Оформляя неестественность, славянский семиотический квадрат представляет собой, если опереться на рассуждения К. Леви-Строса об отношениях симметрии между ритуалами и мифами соседних народов, наиболее элегантное и простое средство выказать славянской коммуникативной общности свое сходство и свою отличность по сравнению с другими мировыми коммуникативными общностями через геометрическую законченность-очерченность мысли в контексте распадающихся, в силу энтропического процесса, форм реальности. «Геометрическая законченность, – замечает К. Леви-Строс, – передает в модусе настоящего, усилия, аккумулированные историей и направляемые все на одну и ту же цель: достичь порога, несомненно наиболее полезного для человеческих обществ, где устанавливается подлинное равновесие между их единством и разнообразием» [9, с.369].

Источники и литература

1. Акчурин И.А. Причины телеономические и формообразующие: первые шаги в рациональном понимании // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М., 2002. – С.39-51.
2. Андрич С. Энциклопедия ничтожного // ИЛ. – 2000. – №5.
3. Вивег М. Лучшие годы – псу под хвост // ИЛ. – 1997. – №4.
4. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. – М., 1983. – С.483-550.
5. Готт В.С. Философские вопросы современной физики. – М., 1972.
6. Дильтей В. Описательная психология. – М., 1996.
7. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М., 1993.
8. Корогодина В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни и целенаправленные действия // Причинность и телеономизм... С.189-212.
9. Леви-Строс К. Отношения симметрии между ритуалами и мифами соседних народов // Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М., 1999. – С.355-369.
10. Лосев А.Ф. Строение художественного мироощущения // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. – М., 1995. – С.297-320.
11. Мамчур Е.Н. Причинность и рационализм // Причинность и телеономизм... С.5-22.
12. Мелик-Гайказян И.В. Детерминизм и спонтанность в постнеклассическом понимании эволюции уровней информации // Причинность и телеономизм... С.225-243.
13. Павич М. О горане Петровиче, травинке из рукописи и нездешних мечтах // ИЛ. – 1997. – №6.
14. Павич М. Дамаскин (Новелла для компьютера и плотничьего циркуля) // ИЛ. – 1999. – №10.
15. Патти Г. Причинность, контроль и эволюция сложности // Причинность и телеономизм... С.137-154.
16. Петрович Г. Атлас, составленный небом // ИЛ. – 1997. – №6.
17. Печенкин А.А. Удалось ли реабилитировать причинность: Карл Поппер против «редукции волнового пакета» // Причинность и телеономизм... С.174-188.
18. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. – М., 2000.
19. Стасюк А. Рассказы // ИЛ. – 2001. – №5.
20. Шнайдер С. Справочник по реальной зоологии (Замечания к феноменологии мелкого. Т. XXIV. Фрагмент книги «Феноменология мелкого») // ИЛ. – 1996. – №9.
21. Материалы «Круглого стола» // Причинность и телеономизм... С.245-287.
22. Coprad M. Geometry of Evolution // Bio Systems. – 1990. – Vol.24. – P.61-81. Цит. по: Патти Г. Причинность, контроль и эволюция сложности // Причинность и телеономизм... С.137-154.

Поступила в редакцию 08.07.2005 г.

УДК 81'373.21

Ясыба А.В.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАЗВАНИЙ ПОСЕЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ

В статье предпринята попытка системного анализа научной литературы, изучающей названия поселений российских немцев на территории бывшего СССР. Автор анализирует наиболее авторитетные работы отечественных и зарубежных ученых. Освещаются позитивные аспекты и выявляются недостатки приведенных исследований. Внимание уделяется актуальным проблемам, требующим дальнейшего изучения.

Ключевые слова: российские немцы, немецкие поселения, населенные пункты, списки, перепись, отечественные и зарубежные ученые, исследования

У статті здійснено спробу системного аналізу наукової літератури з проблем вивчення назв німецьких поселень на території колишнього СРСР. Автор висвітлює найвагоміші розвідки, здійснені за кордоном, зокрема в Німеччині, та вітчизняні. Звертається увага на позитивні аспекти та недоліки розглянутих досліджень, на актуальні проблеми, що потребують подальшого опрацювання.

Ключові слова: російські німці, німецькі поселення, населені пункти, списки, перепис, відчизняні та зарубіжні вчені, дослідження

The present article tries to make a systematic analysis of scientific literature which studies the names of Russian Germans' settlements (Germans who lived in the Russian Empire) on the territory of former USSR. The author analyses the most authoritative works of native and foreign scientists. The positive aspects as well as the weaknesses of the investigations are covered in the article. The attention is paid to the issues which require the further studying.

Key words: Russian Germans, Germans' settlements, settlement (inhabited locality), nominal lists, census, native and foreign scientists, investigations (researches)

Изучение культурно-исторического наследия любого народа способствует возрождению национальных ценностей и мобилизации этносознания его представителей, а изучение географической номенклатуры и отдельных топонимов, в частности названий населенных пунктов российских немцев, начиная с установления их точных наименований и местоположения, является, без сомнения, важной задачей, поскольку помогает понять национально-культурные особенности немецкого народа в целом и